

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА ФОЛЬКЛОР И МИФОЛОГИЯ СТАРОГО И НОВОГО СВЕТА В СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Ю.Е. Березкин

О МИФОЛОГИИ

Ключевые слова: фольклор, мифология, мифы, традиция, историческая реконструкция

Вводная статья предваряет специальную тему номера “Фольклор и мифология Старого и Нового света в сравнительно-исторической перспективе”, в которой представлены исследования О.В. Беловой и В.Я. Петрухина, А.И. Давлетшина и Д.Д. Беляева, Е.Н. Дувакина и В.В. Напольских.

Предваряя тему, начну с того, какие аспекты изучения мифологии и фольклора кажутся мне перспективными.

Хотя сравнительным изучением повествовательных текстов я занимаюсь уже почти полвека, мои первоначальные интересы касались археологии. Я и сейчас археолог, только работаю на другом материале.

Археологи исследуют те вопросы, которые входят в компетенцию их науки: хронология, материальное производство, культурные связи и — если материал позволяет, что бывает не так уж часто — социальная организация и древние ритуальные практики. Что же касается представлений и верований, то реконструировать их без общения с носителями традиции невозможно. Даже явно неутилитарные предметы, которые в свое время наверняка были важными и емкими символами, активирующими определенные представления о мире, для нас остаются всего лишь артефактами определенного типа. То же касается и древних изображений. Сложные сцены, содержание которых понятно, встречаются как редчайшее исключение, причем и в этих случаях о понимании можно говорить лишь постольку, поскольку для подобных сцен имеются повествовательные параллели в однокультурных традициях. Хотя любые формы и образы в каждой культуре как-то интерпретируются, эти значения не присущи им имманентно, они условны и меняются от культуры к культуре. Попытки реконструировать представления о мире у носителей тех культур, от которых до нас не дошло повешенных соответствующим вопросам письменных текстов (собственных или написанных теми, кто с носителями культуры общался), обречены на неудачу

Юрий Евгеньевич Березкин | <http://orcid.org/0000-0001-6001-7339> | berezkin1@gmail.com | д.и.н., заведующий отделом Америки | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

независимо от того, насколько эрудированы и талантливы исследователи. Парацельс ни при каких обстоятельствах не сможет возродить сожженную розу.

Но и это не все. Повествовательные тексты, в том числе содержащие космологические и этиологические мотивы, тоже не столь уж часто могут служить основой для реконструкции картины мира. Немало случаев, когда варианты противоречат друг другу, и мы не знаем, как относились к подобным противоречиям сами рассказчики. В той мере, в какой реконструкция представлений надежна, она тривиальна и касается самых общих, практически универсальных оппозиций: верхний, средний и нижний миры, центр и периферия, свое и чужое. Все остальное нуждается в объяснениях и комментариях носителей культуры, т.е. требует не этного, а эмного подхода.

Однако и в тех случаях, когда культура жива и контакт с информантами возможен, первоочередная необходимость интерпретативных исследований не очевидна. Какие цели мы преследуем, пытаемся определить значение космологических представлений или этиологических эпизодов в нарративах для носителей культуры? Для Пола Радина, этого *enfant terrible* боасовской школы, культура требовала не научного анализа, а вживания и понимания – что-то в духе неокантианства (*Radin* 1933: ix–xiv). Но тем, для кого изучение культуры есть *science*, а не *humanity*, выявленные антропологией, как и любой другой наукой, достоверные факты интересны не столько сами по себе, сколько в качестве основы, очередной ступеньки для добывания новых фактов и открытия новых, все более значительных тенденций и закономерностей. Если картина мира определенной культуры не может быть сопоставлена с соответствующими данными по другим культурам, ценность ее описания ограничена. Если же такое сопоставление возможно, то добытые с огромным трудом эмные факты принципиально не отличаются от этных фактов, информацию о которых получить значительно легче. Ведь воспроизводятся и копируются (а не возникают каждый раз заново) не только сами культурные реалии, но и варианты интерпретации этих реалий. Прослеживая сходство и различия в наборах культурных элементов во времени и пространстве, мы по сути дела прослеживаем направление и интенсивность обмена информацией между людьми, т.е. решаем чисто историческую задачу.

Не приходится сомневаться, что элементы культуры, имеющие отношение к сфере жизнеобеспечения и к организации общества, во многом зависят от состояния природной и социальной среды и меняются вместе с ней. Однако наборы фольклорно-мифологических сюжетов и образов представляют собой такую часть культуры, которая слабее всего связана с условиями существования людей. Мифология и фольклор функциональны, но эта функциональность касается обстоятельств воспроизводства текстов, а не их содержания (*Malinowski* 1926). Соответственно, эпизоды и образы представляют собой идеальный материал для выявления межкультурных связей. Я не хочу сказать, что работа с фольклорными текстами не может осуществляться ради каких-то иных целей. Однако прослеживание общих элементов фольклорных традиций обладает рядом преимуществ по сравнению с другими направлениями. Оно сводит к минимуму субъективный момент, поскольку опирается не на сложные и не всегда убедительные рассуждения, а на элементарные факты, которые нетрудно проверить (тот или иной эпизод или образ в определенной фольклорной традиции либо есть, либо нет, важно лишь, чтобы база данных была достаточно полной). В результате мы получаем конкретные исторические выводы, сопоставимые с теми, которые получены представителями других исторических дисциплин. В основном эти выводы касаются древних миграций и культурных связей. С позиций эволюционизма XIX в. эта тема второстепенна, однако с позиций “нео-нео-эволюционизма” XXI в. она принадлежит к числу наиболее интересных. При наличии мощных универсальных закономерностей изменения как в природе, так и в культуре происходят также и под действием множества случайных факторов, что практически исключает появление одинаковых форм в системах, которые не обмениваются информацией. Определить, имел ли место

такой обмен, как и когда это происходило, становится критически важным (*Березкин 2013а: 190–207*).

И еще: антропологи, стремящиеся ко все более глубокому пониманию тех культур, которые они изучают, не могут не испытывать трудностей с ответом на наивный, но все же не праздный вопрос: что именно они “открыли”? Даже имея большой объем новой информации, трудно доказать ее ценность для науки в целом, если она не используется для получения другой новой информации. Подобный кумулятивный процесс практически всегда осуществляется в контексте исследований исторической направленности. (Допускаю, что фольклорные тексты интересны также и для психологов, но об этом я мало что знаю.) При использовании данных фольклора и мифологии в целях познания прошлого никаких трудностей с оправданием затраченных на исследование усилий не возникает. Наличие у индейцев Америки образов и повествовательных эпизодов, характерных, с одной стороны, для индо-тихоокеанского мира (они проникли в Новый Свет раньше), а с другой, для Сибири (*Березкин 2015а, 2016б; Васильев и др. 2015: гл. 6, 7; Березкин 2016а, 2016б*); перенос определенной группы мотивов из Индии и Юго-Восточной Азии в тропическую Африку (*Березкин 2015б; Березкин et al. 2016*); австронезийские, но не корейские или айнские параллели в ранних источниках по японской мифологии (*Березкин 2012*); наличие у степных индоевропейцев антропогонического сюжета, попавшего затем на Кавказ, в Индию и в Сибирь, но исчезнувшего в степях (*Березкин 2013б; Березкин 2014*); капитальные отличия в распределении наборов “мифологических” и “сказочных” сюжетов в Нуклеарной Евразии (*Березкин 2015в, 2016а; Березкин 2015, 2016с*) — все эти выводы касаются исторических процессов на определенных территориях и в определенные эпохи. Основания для подобных выводов можно легко проверить и при необходимости предложить уточнения или альтернативные объяснения. Рассказать неспециалистам о соответствующих изысканиях также не труднее, чем палеонтологам о докембрии или астрофизикам о структуре Вселенной. Процесс исследования может быть сколь угодно трудоемким, а его объект — невероятно сложным, но результаты работы должны быть просты и понятны, этим наука отличается от “любомудрия”.

Опубликованные ниже статьи относятся как раз к тому направлению в антропологии, которое, с одной стороны, основано на обработке данных фольклора и мифологии, а с другой, находится в русле исторической науки. Позволю себе некоторые комментарии.

Статья О. В. Беловой и В. Я. Петрухина посвящена образам великанов, в основном в Восточной Европе. Связь с историей здесь двояка. Обозначения великанов в отдельных традициях могут быть обусловлены определенными межэтническими контактами. Однако образы великанов можно рассмотреть и в гораздо более широком контексте. Как это ни поразительно, но данный вариант представлений о мифических антагонистах не универсален. Он абсолютно господствует в континентальной Евразии (прежде всего в Европе и на Кавказе), довольно обычен в Северной Америке, но крайне редок, если не отсутствует вовсе, в Южной Америке, Океании и в Африке южнее Сахары. Там речь идет либо о персонажах, сочетающих признаки человека и животного, либо о демонах и духах, гигантизм которых не подчеркивается. Отличия между Северной и Южной Америкой особенно интересны, ибо коррелируют с таким же альтернативным распространением многих других мотивов. Параллели для южноамериканских мотивов тянутся в индо-тихоокеанскую периферию Азии, а для североамериканских — в Сибирь. Это значит, что образ антагониста как антропоморфного великана должен был быть известен в Сибири до того, как континентально-евразийские наборы мотивов были принесены в Новый Свет, т.е. 12–14 тыс. лет назад (о более раннем состоянии сибирских традиций судить невозможно). В то же время у наших африканских предков образа антропоморфных гигантов наверняка не было.

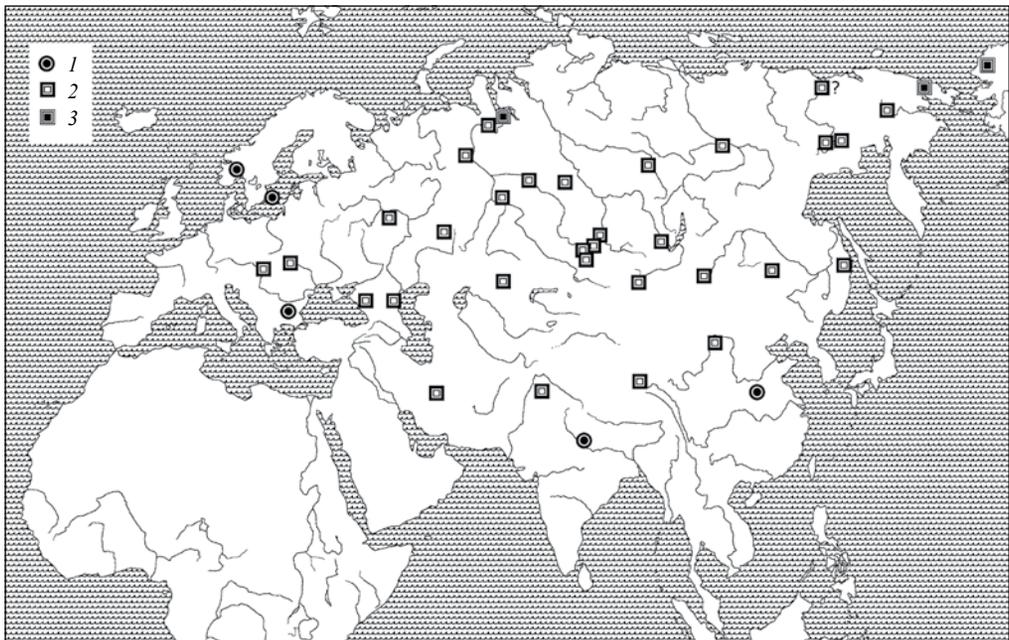

Рис. 1. Многоногий зверь в фольклоре Евразии. 1. Многоногий копытный зверь в ранних письменных и иконографических памятниках. 2. То же в фольклорных материалах XIX–XX вв. 3. Многоногий белый медведь. В Гренландии (не на карте) – чудовище неопределенного облика.

А. И. Давлетшин и Д. Д. Беляев пишут об антропогонических мифах древних майя. По мере прогресса в чтении надписей набор сюжетов, известных классическим майя, удастся реконструировать все полнее. Однако я бы хотел обратить внимание на внешние связи майяской мифологии. Они весьма интересны. Авторы совершенно правы: мотив выхода людей из-под земли соответствует представлениям, широко распространенным в индо-тихоокеанском мире и в Африке южнее Сахары. Если же ограничить круг сопоставлений Новым Светом, то окажется, что мифологии как народов майя, так и других мезоамериканских индейцев в целом близки южноамериканским. В то же время “Пополь-Вух” содержит такие мотивы, которые встречаются почти исключительно в Северной Америке, причем не на юге Калифорнии или в Аризоне, а от центральной Калифорнии до Аляски. Примером может служить эпизод, в котором Хунахпу ранил Вукуб-Какиша, но тот оторвал и унес его руку, после чего Хунахпу пришел неузнанным, вернул свою руку и окончательно победил противника (мотивы L57 и M60 нашего каталога [Васильев и др. 2015: рис. 6.48, 6.49]). В других источниках по мифологиям майя подобных мотивов нет. Если образ героев как пары братьев особенно характерен именно для майя, то большинство эпизодов основной части “Пополь-Вух” находит близкие соответствия вовсе не у представителей этой языковой семьи, а у индейцев побережья Мексиканского залива. Наиболее загадочная особенность мифологий не столько конкретно народов майя, сколько Мезоамерики в целом – это их хорошо заметная статистически близость к восточноазиатским комплексам мотивов (как за счет общих мотивов типа “кролика на луне”, так и за счет отсутствия многих мотивов, характерных как для Южной, так и для Северной Америки). Связано ли это с тем, что в заселении Мезоамерики участвовали какие-то особые восточноазиатские группы, или же с последующим неравномерным вымыванием отдельных мотивов в разных регионах Нового Света, пока совершенно не ясно.

Е. Н. Дувакин обнаружил новый, никогда ранее не привлекавший внимания аспект изучения фольклорных текстов, а именно ареальное распространение словесных клише. К их числу относятся, например, определенные зачины и концовки текстов. Сами по себе они, разумеется, хорошо известны, но их региональное распределение не изучалось. Некоторые же клише никто до Е. Н. Дувакина в качестве отдельных мотивов, похоже, вообще не выделял. К их числу относится и мотив (точнее кластер близких мотивов) прозрачности тела как признака красоты. После накопления материала на основе систематизации подобных данных наверняка удастся получить принципиально новую информацию о межкультурных связях.

Из четырех включенных в данный номер журнала статей написанная В. В. Напольских несколько выделяется, т.к. посвящена анализу не столько фольклорно-мифологического, сколько лингвистического материала. Использование методов языкознания, которыми я не владею, объясняет (но это не единственная причина!), почему Владимир Владимирович оставался и остается для меня недостижимым идеалом исследователя. Критически оценить доводы в пользу уральского либо кавказского происхождения слова для обозначения мифического копытного санскритских текстов я, разумеется, не в состоянии. Могу лишь отметить, что не только лингвистические, но и собственно фольклорные данные не дают убедительных оснований считать именно уральцев источником образа многоногого копытного животного. Письменные и иконографические (Готланд, Фракия) свидетельства более или менее равномерно распространены по большей части Евразии от Скандинавии и Балкан до Чукотки и Китая, но при этом отсутствуют в Западной Европе, Африке, Передней и Юго-Восточной Азии, а также в неарийской Индии (Рис. 1). В Америке многоногий зверь известен только эскимосам, причем как у них, так и у чукчей (а также в одном из ненецких текстов) это не копытное животное, а медведь. Конфигурация ареала встречаемости “многоногого зверя” свидетельствует о том, что мотив распространялся относительно поздно (голоцен, но не плейстоцен), поскольку в Новый Свет он практически не проник; о континентальной (а не индо-тихоокеанской) части Евразии как о регионе, где данный образ возник; и, наконец, об отсутствии эксклюзивных связей с определенной языковой семьей. Если образ многоногого коня в сказочном фольклоре мог (не обязательно — должен был) распространиться недавно вместе со сказочными сюжетами, в которых использован, то изображение восьминогого оленя на кубке из Рогозенского клада (IV в. до н.э.) (Петрухин 2010: илл. 3) и описания многоногого животного, “похожего на быка”, в “Каталоге гор и морей” (Яншина 1977: 43, 101) дают для мотива пусть и не синхронный времени создания “Вед” или хотя бы “Брахман”, то все же достаточно ранний *terminus ante quem*, причем на противоположных концах Евразии. Заслуживает внимания также то обстоятельство, что образ Шарабхи в Индии не связан с сюжетом “небесной охоты”. Этот сюжет (вернее соответствующий эпизод, встроенный в другой нарратив) санскритской традиции известен, но близок не западносибирским вариантам “небесной охоты”, основанным на интерпретации Большой Медведицы, а южносибирским и центральноазиатским (тюрко-монгольским), в которых копытное или трое копытных, являющихся объектом охоты, отождествляются с Поясом Ориона (Березкин 2005; Berezkin 2006). Животное именуется *mrga* (самец оленя или антилопы) и не является многоногим. В северной Индии этот сюжет с небольшими изменениями сохранялся в фольклоре по крайней мере до конца XIX в. (Crooke 1895, № 517: 182).

Благодарности

Я глубоко благодарен О. В. Беловой, Д. Д. Беляеву, С. А. Боринской, А. И. Давлетшину, Е. Н. Дувакину, В. В. Напольских, В. Я. Петрухину, а также редакционному составу журнала “Этнографическое обозрение” за организацию специальной темы номера и за многолетнее научное сотрудничество.

Научная литература

- Березкин Ю. Е.* Космическая охота: варианты сибирско-североамериканского мифа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2. С. 141–150.
- Березкин Ю. Е.* Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: МАЭ РАН, 2013а.
- Березкин Ю. Е.* Собака и лошадь. Индийский ключ к мифологии эпохи бронзы в евразийских степях // Зографский сборник, вып. 3 / Отв. ред. Я. В. Васильков. СПб.: МАЭ РАН, 2013б. С. 5–37.
- Березкин Ю. Е.* Сибирский фольклор и происхождение на-дене // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015а. № 1. С. 122–134.
- Березкин Ю. Е.* Низкое небо: азиатско-африканская версия универсального мотива // Радловский сборник 2014 / Отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2015б. С. 17–26.
- Березкин Ю. Е.* Распространение фольклорных мотивов как обмен информацией, или Где запад граничит с востоком // Антропологический форум. 2015в. № 26. С. 153–170.
- Березкин Ю. Е.* Восточнославянский фольклор в европейском и евразийском контексте (результаты статистической обработки данных) // Антропологический форум. 2016а. № 31. С. 9–24.
- Березкин Ю. Е.* Результаты обработки данных о распределении фольклорно-мифологических мотивов в Северной Азии (южноазиатские и американские связи) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016б. № 2. С. 5–14.
- Васильев С. А., Березкин Ю. Е., Козинцев А. Г., Пейрос И. И., Слободин С. Б., Табарев А. В.* Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Петрухин В. Я.* Существовал ли миф о небесной охоте в карело-финской мифологии? // “Калевала” в контексте региональной и мировой культуры / Отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. С. 128–138.
- Яншина Э. М.* (пер.) Каталог гор и морей (Шань хай цзин). М.: Наука, 1977.
- Berezkin Yu.* The Cosmic Hunt: Variants of a Siberian – North-American Myth // Folklore (Tartu). 2006. Vol. 31. P. 79–100.
- Berezkin Yu.* Kantaiheiyo ni okeru Nihon shinwa mochifu no bunpu // Ajia Yūgaku. Kantaiheiyo no Nihonshinwa / Transl. by H. Yamada. Tokyo: Bensei Shuppan, 2012. P. 25–41.
- Berezkin Yu.* The Dog, the Horse and the Creation of Man // Folklore (Tartu). 2014. Vol. 56. P. 25–46.
- Berezkin Yu.* Spread of Folklore Motifs as a Proxy for Information Exchange: Contact Zones and Borderlines in Eurasia // Trames. Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. Vol. 19. No. 1. P. 3–13.
- Berezkin Yu.* Peopling of the New World in Light of the Data on Distribution of Folklore Motifs // *Maths Meets Myths: Quantitative Approaches to Ancient Narratives (Understanding Complex Systems)* / Ed. R. Kenna, M. MacCarron, and P. MacCarron. Switzerland: Springer International, 2016а. P. 71–89.
- Berezkin Yu.* Areal Distribution of the Types of Task-Givers: Peopling of America and the Age of the Folklore Motifs. “Difficult Tasks” Theme in Context of the Study of the Global Distribution of Folklore Motifs // *Power and Speech: Mythology of the Social and the Sacred* / Ed. M. Lisecki, L. Milne and N. Yanchevskaya. Toruń: Pracownia Wydawnicza EIKON, 2016б. P. 131–154.
- Berezkin Yu.* Stratigraphy of Cultural Interaction in Eurasia Based on Computing of Folklore Motifs // Trames. Journal of Humanities and Social Sciences. 2016с. Vol. 20. No. 3. P. 217–227.
- Berezkin Yu., Cherkashin D., Kogan L., Naumkin V.* Motifs of Soqotri Narratives: Towards a Comparative-Typological Analysis // *Aula Orientalis*. 2016. Vol. 34. No. 2. P. 201–243.
- Crooke W.* North Indian Notes and Queries: A Monthly Periodical. Vol. V / Ed. W. Crooke. Allahabad: Pioneer Press; London: Archibald Constable & Co., 1895.
- Malinowski B.* Myth in Primitive Psychology. L.: Kegan Paul, 1926.
- Radin P.* The Method and Theory of Ethnology. N.Y.: McGraw-Hill, 1933.

Editorial Introduction

Berezkin, Yu.E. On Mythology [O mifologii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 4, pp. 5–12. ISSN 0869–5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

Yury Berezkin | <http://orcid.org/0000-0001-6001-7339> berezkin1@gmail.com | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords:

folklore, mythology, myths, tradition, historical reconstruction

Abstract:

This is an editorial introduction to the special issue on “Folklore and Mythology of the Old and New World in the Comparative Historical Perspective” presenting research articles by O. V. Belova and V. Ya. Petrukhin, A. I. Davletshin and D. D. Beliaev, E. N. Duvakin, and V. V. Napolskikh.

References

- Berezkin, Yu.E. 2005. Kosmicheskaia okhota: varianty sibirsko-severoamerikanskogo mifa [The Cosmic Hunt: Variants of a Siberian – North-American Myth]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 2: 141–150.
- Berezkin, Yu. 2006. The Cosmic Hunt: Variants of a Siberian – North-American Myth. *Folklore* 31: 79–100.
- Berezkin, Yu. 2012. Kantaiheyō ni okeru Nihon shinwa mochīfu no bunpu [The Distribution of Motifs Found in Japanese Mythology in the Circumpacific Area]. In *Ajia Yūgaku* [Intriguing Asia]. Special Issue: Kantaiheyō no Nihonshinwa [Japanese Mythology in the Circumpacific], translated by H. Yamada, 25–41. Tokyo: Bensei Shuppan.
- Berezkin, Yu.E. 2013. *Mezhdū obshchīnoi i gosudarstvom. Srednemashtabnye obshchestva Nuklearnoi Ameriki i Perednei Azii v istoricheskoi dinamike* [Between the Community and the State: The Middle-Range Societies of Nuclear America and the Near East in Historical Dynamics]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Berezkin, Yu.E. 2013. Sobaka i loshad'. Indiiskii kliuch k mifologii epokhi bronzy v evraziiskikh stepiakh [Dog and Horse: An Indian Key to the Mythology of the Bronze Epoch in Eurasian Steppes]. In *Zografskii sbornik*, edited by Ya. V. Vasilkov, 3: 5–37. St. Petersburg: MAE RAN.
- Berezkin, Yu. 2014. The Dog, the Horse and the Creation of Man. *Folklore* 56: 25–46.
- Berezkin, Yu.E. 2014. Nizkoe nebo: aziatsko-afrikanskaia versīia universal'nogo motiva [The Low Sky: An Asian-African Version of the Universal Motif]. In *Radlovskii sbornik* [The Radlov Collection], edited by Yu. K. Chistov, 17–26. St. Petersburg: MAE RAN.
- Berezkin, Yu. 2015. Spread of Folklore Motifs as a Proxy for Information Exchange: Contact Zones and Borderlines in Eurasia. *Trames. Journal of Humanities and Social Sciences* 19 (1): 3–13.
- Berezkin, Yu.E. 2015. Sibirskii fol'klor i proiskhozhdenie na-dene [Siberian Folklore and the Origin of Na-Dene]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 1: 122–134.
- Berezkin, Yu.E. 2015. Rasprostranenie fol'klornykh motivov kak obmen informatsiei, ili Gde zapad granichit s vostokom [The Spread of Folklore Motifs as Information Exchange, or Where the West Borders the East]. *Antropologicheskii Forum* 26: 153–170.
- Berezkin, Yu. 2016. Peopling of the New World in Light of the Data on Distribution of Folklore Motifs. In *Maths Meets Myths: Quantitative Approaches to Ancient Narratives (Understanding Complex Systems)*, edited by R. Kenna, M. MacCarron, and P. MacCarron, 71–89. Switzerland: Springer International.
- Berezkin, Yu. 2016. Areal Distribution of the Types of Task-Givers: Peopling of America and the Age of the Folklore Motifs. “Difficult Tasks” Theme in Context of the Study of the Global Distribution of Folklore Motifs. In *Power and Speech: Mythology of the Social and the Sacred*, edited by M. Lisecki, L. Milne, and N. Yanchevskaya, 131–154. Toruń: Pracownia Wydawnicza EIKON.
- Berezkin Yu. 2016. Stratigraphy of Cultural Interaction in Eurasia Based on Computing of Folklore Motifs. *Trames. Journal of Humanities and Social Sciences* 20 (3): 217–227.

- Berezkin, Yu.E. 2016. Vostochnoslavianski fol'klor v evropeiskom i evraziiskom kontekste (rezul'taty statisticheskoi obrabotki dannykh) [East-Slavic Folklore in the European and Eurasian Context (Results of the Statistical Research)]. *Antropologicheskii Forum* 31: 9–24.
- Berezkin, Yu.E. 2016. Rezul'taty obrabotki dannykh o raspredelenii fol'klorno-mifologicheskikh motivov v Severnoi Azii (yuzhnoaziatskie i amerikanske sviazi) [The Results of Studying the Data on the Distribution of Folklore-Mythological Motifs in Northern Asia (South Asian and American Connections)]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* 2: 5–14.
- Berezkin, Yu., D. Cherkashin, L. Kogan, and V. Naumkin. 2016. Motifs of Soqotri Narratives: Towards a Comparative-Typological Analysis. *Aula Orientalis* 34 (2): 201–243.
- Crooke, W. 1895. *North Indian Notes and Queries: A Monthly Periodical*. Vol. V, edited by W. Crooke. Allahabad: Pioneer Press; London: Archibald Constable & Co.
- Malinowski, B. 1926. *Myth in Primitive Psychology*. London: Kegan Paul.
- Petrukhin, V. Ya. 2010. Sushchestvoval li mif o nebesnoi okhote v karelo-finskoii mifologii? [Was There a Myth about Celestial Hunt in the Finnish-Karelian Mythology?]. In *“Kalevala” v kontekste regional'noi i mirovoi kul'tury* [“Kalevala” in the Context of Local and World Culture], edited by I. I. Mullonen, 128–138. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Radin, P. 1933. *The Method and Theory of Ethnology*. New York: McGraw-Hill.
- Vasiliev, S.A., Yu. E. Berezkin, A. G. Kozintsev, I. I. Peiros, S. B. Slobodin, and A. V. Tabarev. *Zaselenie chelovekom Novogo Sveta: opyt kompleksnogo issledovaniia* [The Peopling of the New World: A Multidisciplinary Study]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Yanshina, E.M., trans. 1977. *Katalog gor i morei (Shan' khai tszin)* [A Catalog of Mountains and Seas (Shan Hai Jing)]. Moscow: Nauka.